

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.35

Стратегии культурно-прагматической адаптации при переводе детских сказок: пределы возможного и допустимого (на примере переводов карачаево-балкарских сказок на русский и английский языки)*Н. В. Тимко*Одинцовский филиал МГИМО МИД России,
Российская Федерация, 143005, Одинцово, ул. Ново-Спортивная, 3

Для цитирования: *Тимко Н. В.* Стратегии культурно-прагматической адаптации при переводе детских сказок. Пределы возможного и допустимого (на примере переводов карачаево-балкарских сказок на русский и английский языки) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2022. Т. 14. Вып. 1. С. 126–140.
<https://doi.org/10.21638/spbu13.2022.109>

Актуальность исследования обусловлена растущим интересом к переводам сказок коренных народов и способам лингвокультурной трансляции содержания текста при переводе художественных произведений. Работа носит междисциплинарный характер и находится на стыке лингвокультурологии, фольклористики, сопоставительного языкознания и перевода. Цель работы — определить, как вербализуются сведения о ценностях карачаево-балкарской лингвокультуры в текстах детских сказок на языке перевода, а также проанализировать достоинства и недостатки стратегий их лингвокультурной адаптации (экспликация или элиминация национального колорита) на русский и английский языки. Для решения поставленных задач использовались два взаимодополняющих метода: интроспективный, ориентированный на процесс (авторский перевод пяти карачаево-балкарских сказок на английский язык), и традиционный для переводоведения метод ретроспективного анализа — сопоставление оригиналов карачаево-балкарских сказок и их изданных переводов на русский язык. Впервые карачаево-балкарская сказка как культурный нарратив рассматривается в аспекте критики перевода. Перевод таких фольклорных произведений обусловлен как культурно специфическим сюжетом, так и формой, являющейся его основой, — культурологическими деталями, особенностями менталитета, выраженными языком и составляющими аксиологический фон карачаево-балкарской сказки. При переводе значительная часть этих элементов может нивелироваться переводчиками ради поправки на детское восприятие (подбор аналогов в переводящем языке, опущения, намеренная

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

русификация исходного текста), что приводит к утрате главного — национально-культурного своеобразия подлинника. При эксплицировании культурных особенностей исходного текста происходит знакомство читателя с национальным колоритом иной культуры, однако при этом в текст перевода порой переносится культурно специфическая информация, которая может вызвать непонимание или искаженное восприятие со стороны читателя-ребенка (например, тема многоженства и особенности распределения ролей в семье). В связи с этим необходим взвешенный подход к выбору оптимальной стратегии культурно-прагматической адаптации сказочных текстов при переводе, и решение переводчика об экспликации или элиминировании национально-культурной специфики носит компромиссный характер.

Ключевые слова: стратегии культурно-прагматической адаптации, карачаево-балкарские сказки, культурная специфика, аксиологический фон.

Введение

Карачаево-балкарская сказка — один из слабоизученных разделов в кавказоведении, а исследованием методов ее перевода на иностранные языки и вовсе никто не занимался. На материале сказок на карачаево-балкарском языке, представленных в сборнике «Къарачай-малкъар жомакъла, таурухла, айтыула (Карачаево-балкарские сказки, легенды, предания)» [1], а также их переводов на русский язык, представленных в сборниках «Балкарские и карачаевские сказки» [2], «Черный орел. Карачаевские народные сказки» [3] и «Народные сказки балкарцев и карачаевцев» [4], проводится сопоставление оригиналов и их переводов на русский язык с точки зрения анализа стратегий лингвокультурной трансляции, а также предлагаются варианты перевода отдельных фрагментов оригинальных сказок на английский язык.

Учитывая уникальность национального разнообразия Российской Федерации, на территории которой проживает около 200 народов, изучение национальных духовных ценностей, идейных и моральных ориентиров каждого отдельного лингвокультурного сообщества имеет огромное значение в рамках расширения культурных контактов при сохранении национального своеобразия и решения проблемы преодоления кросс-культурных барьеров в коммуникации. «Ценностные ориентации каждой отдельной нации зависят от этнических, конфессиональных и геоклиматических особенностей, в свою очередь формируя образ жизни, обычаи, этнические нормы и картину мира в целом» [5, с. 78].

В век глобализации и навязывания стандартизированных ценностей, когда все сильнее угроза национального обезличивания, приходится прикладывать немалые усилия для сохранения этнического своеобразия и языка коренных народов, углублять взаимопознание и взаимообогащение культур. В этом смысле роль перевода как «лингвокультурной трансляции» (термин наш. — *Н. Т.* [6, с. 14]) и переводчика как «культурного посредника» / «cultural mediator» (термин *С. Бохнера* [7, p. 12]) трудно переоценить.

Сказка — носитель культуры, морально-нравственный кодекс и ориентир, своего рода культурный нарратив, который обнаруживает «признаки универсальности в качестве способов репрезентации, аккумуляции и трансляции информации при безусловной специфичности выбора объектов нарративной репрезентации и способов их интерпретации в различных культурах» [8, с. 40]. По мнению *В. Я. Проппа*, сказки происходят из одного источника, имеют в своей основе уни-

версальный, общечеловеческий характер [9, с. 19], при этом отличаясь специфическим композиционно-речевым построением.

Дуализм универсального и специфического, вымысла и реальности делает сказку особым объектом с точки зрения ее переноса на новую культурную, литературную, этническую почву, в иную языковую среду. При этом переводчик ищет универсальную стратегию, стремясь перенести «чужой» вымысел в «свою» реальность. «Балансируя между “одомашниванием” и “очуждением”, он дозирует соотношение соответствий на семантическом, синтаксическом и прагматическом уровнях. Среди множества вопросов, на которые ему приходится искать и находить ответ, один лейтмотивом возвращается на каждом этапе творчества: “Кто читатель?”» [10, с. 100].

Читателями сказок в настоящее время являются главным образом дети. Несмотря на свою кажущуюся наивность и простоту, сказочные произведения фольклора на понятном ребенку языке готовят его к несовершенному миру, представляют ему проблемы справедливости/несправедливости, добродетелей/пороков и т. д. А так как материалом для создания сказок служит сама жизнь, то они представляются лучшим воспитательным средством, проверенным и выработанным не одним поколением.

Помимо дидактической сказка обладает еще одной важнейшей функцией — культурно обогащающей, ведь именно из сказки ребенок черпает знания о своей культуре, знакомится с историей и корнями собственного народа, а также узнает другие *иноязычные* и *инокультурные* сюжеты и героев. Таким образом, сказка — уникальный феномен культуры, своеобразный культурный код, контекст, который «в духе прагмалингвистических и дискурсивно-аналитических исследований осмысливается как экстралингвистическое окружение целого текста, создающее его прагматическую и социокультурную релевантность» [11, с. 83]. А так как каждая культура неповторима и самоценна, то каждая сказка как ее продукт интересна не только сходным содержанием с текстами других народов, но и тем индивидуальным, что отличает ее от них. Недаром Сергей Михалков в предисловии к сборнику карачаево-балкарских сказок написал: «Дорогие дети! Сегодня вы открываете не просто книгу сказок, но и волшебную дверь, ведущую в жизнь Седого и Мудрого Кавказа. Вы сможете узнать и полюбить своих дальних и ближних братьев, узнать о горестях и радостях, о жизни и мечтах, о подвигах и доблестях свободолюбивых и смелых горцев. Главное — постарайтесь разглядеть за подчас необычными для вас сегодня традициями и обычаями, словами и поступками то “великое и вечное”, что объединяет всех нас — людей, живущих на Земле, — человечность» [4, с. 3].

Интересным представляется высказывание М. Л. Гаспарова, который сравнил стихотворение с «исходной точкой для обозрения всей культуры своего времени и слоя», с «оптическим прибором, через которое читатель и исследователь заглядывает в мир автора и его современников» [12, с. 430]. Применительно к теме нашего исследования можно сказать, что сказка — это то же прозрачное окно, через которое читатель заглядывает в мир иной культуры. Каким образом создается этот мир целостным образом языка текста сказки (единство содержания и формы) и как его транспонировать в систему иной культуры посредством перевода, мы попытаемся ответить в рамках статьи.

Особенности карачаево-балкарских сказок: актуализация национальной культуры на лингвистическом и экстралингвистическом уровнях

Существенный вклад в изучение жанра карачаево-балкарской сказки внесли труды А. И. Караевой [13], авторы и переводчики сборника «Балкарские и карачаевские сказки» А. Холаев и А. Алиева и др. В последние годы ведущим специалистом в области изучения карачаевского фольклора Х. Х. Малкондуевым [14–18], а также учеными-фольклористами Б. А. Берберовым [20–23], Ф. Х. Гулиевой (Зануковой) [24–26], Л. С. Гергоковой [27; 28] написан ряд работ по различным аспектам карачаево-балкарского сказковедения, которые существенно дополнили и продолжают дополнять исследования по этой проблематике. Объектами их изучения стали внутрижанровые особенности карачаево-балкарских сказок, их типология, особенности сюжетных сценариев, специфические образы и темы, воплощенные в сказках (образ женщины, образы животных, культ разума и т. д.).

Для нашего исследования важно проследить, каким образом особенности карачаево-балкарской культуры фиксируются в текстах сказок на языковом и внеязыковом (экстралингвистическом) уровнях, какой пласт «непереводимого» они составляют и какие стратегии культурно-прагматической адаптации имеются в распоряжении переводчика для преодоления лингвоэтнического барьера при переводе сказки на русский и английский языки.

Карачаево-балкарский этнос (карачаевцы и балкарцы — единый народ с общим языком и культурой), как, впрочем, и любой другой, является также неотъемлемым условием существования языка сказки, контекстом, манифестирующимся как безусловная реальность, в которой проживают люди. Следовательно, можно констатировать, что язык сказки — важнейший культурообразующий элемент, репрезентирующий особенности карачаево-балкарского этноса.

Культура, выраженная языком, может проявляться в тексте сказки как на уровне реалий и лингвокультурем, т. е. обнаруживаться в системе языка (*эмеген* — «одноглазый великан-людоед», *кьочхар* — «баран с огромными рогами», *азыкь* — «еда в дорогу путнику», *сохта* — «вид колбасы», *намыс* — «честь», собирательный образ всех положительных высоконравственных качеств и др.), так и на уровне речевых форм употребления языка (специфические формулы зачина и концовки, формулы обращения, приветствия и прощания, например *алан* — «соплеменник» — традиционное обращение и приветствие у карачаевцев и балкарцев, *бисмилля* — восклицание, имеющее интенсивное значение, напоминающее в русском языке восклицание «С Богом!»).

Культура также проявляется на невидимом, экстралингвистическом уровне — на уровне специфического описания поступков, внешности героев, их этики поведения и особенных сюжетных сценариев.

С точки зрения перевода проблема видится в том, что представители каждой лингвокультуры интерпретируют содержание того или иного художественного произведения в соответствии со своими базовыми ценностями, поскольку они а priori в большей или меньшей степени отличаются от ценностей представителей той лингвокультуры, в рамках которой создано произведение. Внимание переводчиков в большей степени фокусируется не на том, что можно увидеть, услышать,

прочитать или почувствовать, а на том, что подразумевается в сообщении, как оно передается, и как оно воспринимается [29, с. 44].

Например, отрицательный персонаж в карачаево-балкарских сказках, хитрый и жадный, чаще всего представлен как безбородый или плешивобородый человек (*кёсе*). Борода на Кавказе — символ мужественности (чем она красивее и гуще, тем благороднее ее владелец), а если у мужчины плохо растет борода, считается, что он наказан Аллахом, и это является признаком его скрытых пороков. Поэтому в переводе такая информация, являясь ценной с точки зрения культурологического содержания, передается эксплицитно, путем смыслового развертывания и объяснения:

Старуха решила смолоть пшеницу и отправила сына на мельницу. Собирая сына, мать наказала:

— *Сыночек, сходи на мельницу. Но смотри, не заходи на ту мельницу, где мельником хитрый **обманицик** — кёсе.*

— *А как я узнаю кёсе? — спросил мальчик.*

— *У кёсе не растет борода. Как увидишь, что у мельника нет бороды, не заходи, иди дальше [4, с. 212].*

Многие карачаево-балкарские сказки аналогичны некоторым произведениям русского и английского фольклора. Например, в сказках «Морозко» и «Фатима» девушки, страдающие от несправедливости мачех, после награждаются за терпение, а дочери мачех получают по заслугам. Также можно провести аналогию между «Сестрицей Аленушкой и братцем Иванушкой» и «Илеукой», где братец, не послушав сестрицу, отпивает грязную водицу и превращается в козленка. Нельзя не заметить идентичность таких фольклорных произведений, как «Иван-Царевич и серый волк» и «Золотая птица», а также игнорировать сходство «Находчивого мышонка» с английской сказкой «Старушка и ее поросенок».

В большинстве карачаево-балкарских сказок преобладает хронологический зачин: *эртте заманда...* — «давным-давно», *эртте заманда, къачан болгъанын эсибизге да келтираллыкъ туюлюбюз...* — «давным-давно это было, не вспомнить даже когда». Этот зачин указывает на давность события, которое осталось в памяти как явление поучительного характера. Иногда хронологическая неопределенность может усиливаться за счет введения в инициативные формулы параллельных конструкций — антитезы, например *эртте заманлада, къобанлада суу орнуна бал бла сют баргъан заманлада, тауукъ туюлюге къонакъгъа баргъан заманлада, айыу къой бла къош болуп тургъан заманлада, бир тау элде...* — «в давние времена, когда в реках вместо воды текли мед и молоко, во времена когда курица ходила в гости к лисе, а медведь дружил с овцой, в одном горном ауле...». Такие конструкции, описывающие невозможность действий и состояний в силу их природы, построены на парадоксе. Этим приемом автор намекает на вымышленность событий, условно говоря, что этого не было никогда. Очень самобытная формула концовки встречается в карачаево-балкарских сказках: *Аны кёрмегибиз кирик, ауруу-талау кёрмей къалайыкъ* — «Как не видели мы всего этого своими глазами, так не видеть нам никаких бед и болезней». Двойные отрицания, сложная грамматическая конструкция и неизвестная ребенку лексика (ребенок обычно не понимает значение слова *талау* — «беда, напасть») приводят его в замешательство, и он не может понять,

было это или не было, но в то же время рассказчик желает благополучия и словно оправдывается за фактическую «ложь», придуманную в сказке.

Стратегии культурно-прагматической адаптации карачаево-балкарских сказок при переводе на русский и английский языки: экспликация и элиминация культурной специфики

Перед переводчиками сказки — трансляторами текста в иную систему культуры — стоит задача, с одной стороны, передать общечеловеческое (нравственно-воспитательное) содержание сказки, с другой — сохранить ту уникальную форму сказочного произведения, которая отличает карачаево-балкарскую сказку от, допустим, сказки норвежской. Мы следуем теории, согласно которой перевод представляет собой лингвокультурную трансляцию, осуществляемую при помощи различных степеней культурно-прагматической адаптации — сильной и слабой [6, с. 73].

При сильной адаптации переводчик производит определенные корректуры в плане содержания текста с учетом иных лингвокультурных параметров адресата, нивелируя различия между культурами, прибегая к разного рода адекватным заменам и трансформациям. Этот вид адаптации, стремящийся преодолеть культурологическую дистанцию между автором и читателем на другом языке, всегда связан с изменениями в содержании произведения и порой приводит к адаптивному переложению (как, например, в случае со сказками «Золушка» и «Красная шапочка», изобиловавшими в оригинале кровавыми подробностями, которые были опущены при их адаптивном переложении с немецкого и французского языков). Порой использование подобного метода ведет к созданию художественных произведений «по мотивам» («Буратино» — по мотивам «Пиноккио»). Однако такие произведения нельзя считать переводами (даже вольными), так как в них утрачивается первоначальное авторство.

В противоположном случае переводческая установка — познакомить читателя с иной, необычной культурой, что позволяет увидеть неповторимый колорит, другой, экзотический мир людей. История перевода знает очень удачные случаи переводов-стилизаций, когда сохраняются ценные, культурно значимые детали описания при точности передачи содержания (перевод сказок «Тысяча и одна ночь», выполненный Михаилом Салье, переносит читателя в необычную культуру стран Ближнего Востока [30]).

Обе стратегии уходят корнями в две противоположные традиции, имеющие установки как на исходный текст (буквальный перевод, «форенизация», недостаток адаптации), так и на читателя перевода (вольный перевод, «доместикация», сверхадаптация). «Для современных исследований в области перевода релевантным оказывается комплексное использование обеих тактик для достижения коммуникативно-функциональной эквивалентности» [31, с. 131].

Рассмотрим использование обеих переводческих стратегий и оценим их адекватность на примере сравнительно-сопоставительного анализа переводов карачаево-балкарских сказок, выполненных на русский язык переводчиками А. Алиевой и А. Холаевым [4] и И. Румянцевой [3], и предложим варианты перевода отдельных элементов этих сказок на английский язык.

Для демонстрации стратегии элиминирования национально-культурной специфики, т. е. максимального приближения сказки к русскому читателю, мы взяли сказку «Слепой хан» в переводе и пересказе И. Румянцевой. Уже одно слово «в пересказе» указывает на стратегию, избранную переводчиком, — максимально нивелировать национальный колорит исходного текста, художественно «приукрасить» произведение, игнорируя инокультурные реалии. Подобная стратегия оправдана, когда перевод осуществляется для большого круга читателей независимо от их культурной принадлежности при условии, если в произведении общечеловеческие ценности превалируют над ценностями местной культуры. Она позволяет не перегружать читателя сносками, описаниями, примечаниями и комментариями и легко воспринимается, как и любой другой текст, созданный на родном языке. Но вместе с тем при элиминировании национальной специфики переводчик лишает читателя ценной культурологической информации, а порой нарушает ценностные ориентиры исходной лингвокультуры. Это приводит к тому, что в сказке меняется сюжет, создается иной образ персонажа. Так, в оригинале сказки главный герой смел и решителен, в переводе же он приобретает сентиментальные черты характера, несвойственные героическому образу джигита.

Ол а алай айтханлай, тамада джашы, бир аламат ажирге да миниб, азыкь да алыб, джолгъа чыкъгъанды (букв. «Как только он это сказал, старший сын сел на хорошего коня, взяв с собой еду в дорогу, отправился в путь») — **«Поклонились сыновья отцу и обещали исполнить его волю.** Сначала отправился в дальний путь старший сын» / «Hearing that, the eldest son, took azik –some food for the journey, jumped on his horse and started his way in search of the remedy for his father»¹.

— *Бар, къонакъ атаргъа боллукъмуду деб сор да, «хо» деселе, ат, — дегенинде, джаш барыб, джыйыннга къошулгъанды. Ат айтханча, къонакъгъа атаргъа боллукъмуду, деп соруб, боллукъду дегенлеринде, джаш да атханды* (букв. «— Иди и спроси, можно ли выстрелить гостю, если скажут “да”, стреляй», — как только [конь] сказал это, юноша, пойдя, присоединился к группе/дружине. Когда, как и сказал конь, спросив, можно ли стрелять гостю, получил разрешение, и юноша выстрелил») — «— Ну что ж, — ответил конь, — попытай. Ты попроси у людей разрешения, и если тебе скажут “да”, то стреляй. Аслан так и сделал. Он подошел к собравшимся, **поклонился хану** и всем людям и спросил: “Можно ли мне, вашему гостю, тоже выстрелить?” Ему разрешили. Он выстрелил и сбил наперсток» / «Well», — said the horse — «Try it. But before ask people for permission, and if they say «yes», then shoot». Aslan did so. He went to the crowd and asked: «May a guest, also take a shot?» When they allowed, he fired and easily knocked down the thimble.

Как видим, в тексты русскоязычных переводов добавлены описания «Поклонились сыновья отцу и обещали исполнить его волю» и «поклонился хану и всем людям». Однако подобные нормы поведения, принятые как знак уважения и почтения в русской культуре, а также во многих других культурах, в частности восточных (поклон отдельному лицу и всем собравшимся как знак уважения), не соответствуют ценностным ориентациям карачаево-балкарской культуры. В данной ситуации, чтобы показать готовность к исполнению, кавказцами используется кивок головой, а чтобы проявить уважение, достаточно поздороваться за руку или

¹ Здесь и далее перевод на английский язык автора.

встать, если зашел старший человек. Сам по себе поклон унизителен для кавказца, считается, что кланяться он может только во время молитвы.

Переводчик добавляет также описания эмоционального состояния Аслана (о переводе этого имени и что за ним кроется см. ниже): «огорчился Аслан», «опечалился Аслан», «заплакал Аслан», — что в принципе недопустимо для кавказского мужчины — даже если он опечалился, подавать виду нельзя. В кавказском менталитете заложено, что он должен оставаться благородным сильным человеком и может справиться с любой задачей². Это зачастую, как признаются сами кавказцы, играет против них же самих. Также в переводе красочно описывается еще одно чувство главного героя Аслана — «удивление» при виде морского царства, что представляется вполне естественно с точки зрения общечеловеческого восприятия. Ср., например: «Удивился Аслан, когда увидел, что на дне моря были и дома, и дворцы, и люди, и поля, на которых паслись табуны золотогривых коней»; «Еще больше удивлялся он, наблюдая, как царица морская собирала свои несметные богатства в один маленький наперсток». Следует отметить, однако, что в оригинале подобных описаний нет, предложения просты и односложны. Главный герой, будучи сыном хана, принадлежал к княжескому роду, к так называемым «биям», а удивляться богатствам для юноши высшего сословия неприемлемо.

А теперь перейдем к имени главного персонажа — Аслан. Интересно, что в оригинале сказки герой безымянный, и рассказчик называет его просто *джаши* — «парень». Как пишет Кайсын Кулиев в предисловии к сборнику карачаевских и балкарских сказок, «в наших сказках часто персонажи не имеют имен. Это, должно быть, потому, что сказочные герои имеют собирательный смысл» [4, с. 7]. В переводе И. Румянцевой герой именуется и «Аслан», и «молодец». Но «молодец» — явная отсылка к русской культуре, пробуждающая сказовый образ молодого человека в традиционной русской рубахе, что ведет к явной русификация исходного текста. А вот дать имя герою — Аслан (означает «лев» и наделяет его носителя такими качествами, как смелость и отвага) — вполне удачная находка. При переводе сказки на английский язык мы решили пойти таким же путем и называть героя Aslan. Возможно было бы также использовать слово «джигит» (*джигитча*), которое в переводе И. Румянцевой опускается.

Обращает на себя внимание еще одна интереснейшая деталь кавказской ментальности, выраженная лингвокультуремой *азыкъ* — «еда». В русском языке аналога ей нет. Методом описательного перевода *азыкъ* превращается в «еду в дорогу». Карачаевцы и балкарцы разделяют еду на столе *ашарыкъ/азыкъ* и еду в дорогу *жол азыкъ*. Ни одна карачаево-балкарская хозяйка, даже живущая за пределами своей родины, не отправит мужа на работу или в дорогу без «жол азыкъ». «Жол азыкъ» — это частичка дома, родины, это проявление заботы семьи о путнике и дополнительный стимул обязательно вернуться домой. Поэтому мы посчитали нужным при переводе на английский язык сохранить эту важную деталь и эксплицировать культурное содержание, введя транслитерацию с пояснением «*jol azik — some food for the journey*».

---

² Основная цель воспитания карачаево-балкарцев — оставаться благородным человеком при любых обстоятельствах. Это правило передается младшим поколениям в форме устных наставлений и отражается в пословицах и поговорках — *нарт сёзле* [32, с. 110].

Аналогичную стратегию экспликации лингвокультурного содержания с целью сохранить национальный колорит, при этом не нагружая текст дополнительными сносками и примечаниями, встречаем в переводах карачаево-балкарских фольклористов А. Алиевой (карачаевка) и А. Холаева (балкарец). Они сводят затекстовые примечания к минимуму, а все необходимые разъяснения добавляются непосредственно в текст, чтобы не прерывать процесс чтения и скрыть вторичный статус переводного текста. Так, переводчики вводят в русский текст значимые для карачаево-балкарской культуры реалии путем транслитерации и добавляют внутритекстовые пояснения («Испеки мне побыстрей **пирогов с мясом** — **хычынов**»), а затем используют эту транслитерацию на протяжении всего текста уже без пояснений: «Вот-вот **хычыны** будут готовы»; «...а сам на **хычыны** поглядывает: боится, как бы их гость не заметил»; «...а я и не знал, что у вас **хычыны** пекутся!» Эту же стратегию мы используем при переводе на английский язык: «*hychins — pies with meat*», далее — «*pies*».

Мы также полагаем, что в случае, если речь идет не просто о реалии, выраженной лексемой (*сохта, калым, айран*), а о проявлении ценностно значимых для культуры понятий, внутритекстовых пояснений оказывается недостаточно, требуются более развернутые описания, которые ведут к количественным изменениям в тексте, что, безусловно, не является положительным моментом, однако служит цели эксплицировать культурно значимую информацию. Так, в сказке «Намыс» дом главного героя покидает Счастье, и, чтобы его вернуть, нужно загадать одно желание. Жена предлагает попросить много земли, старший сын — отборных скакунов, дочери — красивую одежду.

«И вдруг заговорила самая молодая невестка, чей голос не был слышен дальше семейного очага.

— Если можно, **попросите честь — намыс!**³

— Правильно говоришь, дочка! — обрадовался старик» (пер. А. Алиевой, А. Холаева) [4, с. 252].

Переводчики эксплицитно объясняют значение слова «намыс» как «честь». Понятие «намыс» уникально для карачаево-балкарской культуры, оно вбирает в себя огромное количество положительных значений и качеств человека — это и скромность, и благородство, и стеснительность, и вежливость, и воспитанность, и уважение к старикам, женщинам и гостям. Чтобы показать уникальность этого понятия, отражающего все высокие нравственные качества человека, мы предлагаем при переводе на английский язык развернутое внутритекстовое объяснение через реплику невестки. Безусловно, данная трансформация ведет за собой количественные изменения в тексте, однако соответствует своей цели: «Finally, they asked the youngest daughter-in-law. And she said: “Ask for nobility, honesty, modesty, politeness, respect for the elderly, women and guests! “But Happiness allowed to leave only one thing! — said the old man. But these all is one thing — “namys”!»

³ В статье «Культура разума в карачаево-балкарской бытовой сказке» Б. А. Берберов пишет: «Женский ум и нравственность — неразделимые понятия, судя по просветительским сказкам балкарцев и карачаевцев. Словом “намыс” горцы Кавказа обозначают высокую мораль, совесть, человечность, честь. В сказке “Намыс” опозитизировано нравственное сознание юной невестки, которая из всех мыслимых богатств мира выбирает намыс, справедливо решив, что “где намыс, там и счастье”» [21, с. 254].

Из приведенных выше рассуждений можно было бы сделать вывод, что мы против использования стратегии, направленной на полное элиминирование национально-культурной специфики текста и призываем к максимально полному сохранению национального колорита сказки. Такая позиция оправдана приведенными выше замечаниями о том, как важно показать иную, «экзотическую» культуру читателю переводного текста. Однако в случае с конкретным жанром — сказкой, читателем которой является ребенок, такая стратегия оправдана не всегда. Мы говорим о тех случаях, когда некоторые поведенческие нормы, основанные на ценностных ориентациях и обычаях культуры (религиозной, бытовой, обрядовой), представленные в оригинале, не укладываются в картину мира ребенка, говорящего на ином языке. В карачаево-балкарских сказках это касается тех случаев, когда прослеживается тема многоженства. Например, в сказке «Слепой хан» герой, уже будучи женатым на дочери хана, берет в жены еще и морскую царевну.

— *Да айтханынгы этерме дей эсенг, кел манга къатын бол, — деди джаш.*

— *Энди мен санга бармасам болмайма* (букв. «— Ну, если говоришь, что выполнишь мое любое желание, тогда **будь моей женой**, — сказал джаш. — Ну что ж, не выйти я за тебя уже не могу») — «— **Будь мне сестрой!** — сказал Аслан. — Ну что ж, — ответила девушка. — Ты победил меня, и я согласна» (пер. И. Румянцевой) [3, с. 50].

Необходимо отметить, что фольклорный сказочный материал изобилует примерами многоженства главного героя, которое со временем переходит в мотив завоевания девушки в жены с последующей передачей другу. В переводе же данного отрывка происходит адаптация реалий мусульманского общества в рамках картины мира русскоговорящего ребенка, умалчивается о наличии второй жены, она превращается в нареченную сестру.

Стратегия элиминации национально-культурной специфики применима также в отношении описания сцен насилия, жестокости и своеобразных ругательств. В истории перевода известно немало случаев, когда сцены насилия и жестокости, представленные в оригинале, были «смягчены» в переводе, и эти сказки дошли до наших дней уже не в виде перевода, а в виде адаптивного переложения. Например, некоторые исследователи отмечают особенную жестокость и кровожадность немецких сказок.

Оригинальные тексты сказок братьев Гримм кардинально отличаются от своих современных адаптаций. Первые издания сказок включали в себя сцены насилия, нечеловеческой жестокости, злоупотребления алкоголем, ранней беременности, инцеста и каннибализма. В связи с этим переводчикам приходилось не просто переводить тексты, но и адаптировать их под моральные нормы и культуру языка перевода. Таким образом, перевод сказок братьев Гримм напрямую связан с национально-культурной адаптацией [33, с. 112].

В карачаево-балкарских сказках тоже встречаются сцены насилия и жестокости, например когда отец выкалывает глаза своему сыну, избивает девушку, предлагает порезать головы девушек, разрубить на две части или разрезать на мелкие куски (сказка «Слепой хан» [3, с. 44–56]). Переводчик предпринимает попытку смягчить сцены насилия, опуская данные описания, а также фразу *сокъур итни* — «слепую собаку» (в качестве ругательства). Необходимо отметить, что образ собаки в культуре описываемого этноса имеет двойственный характер: с одной стороны, это верный

друг и помощник, защитник, с другой — нечистое животное, а одним из самых жестоких ругательств в адрес человека является *итден тугбан!* — «рожденный от собаки». Последнее, по всей видимости, объясняется влиянием исламской культуры.

Заключение

При переводе сказок переводчик имеет дело с целостным образом языка текста, в связи с чем лингвокультурологическая трансляция должна осуществляться с учетом единства языковой и коммуникативно-смысловой форм. Сказки относятся к текстам, в которых форма и заключенная в ней национально-культурная специфика оказывают особое эстетическое воздействие, придают тексту неповторимость и обеспечивают выразительность. Поэтому перевод сказок обусловлен, с одной стороны, содержанием, а с другой — теми языковыми категориями (формой), которые являются его основой. Успех переводчика сказок как посредника между двумя культурами зависит от знания и понимания национальной культуры и культурного опыта, лежащих в основе языка и речевых актов; знания потенциала двух семиотических систем в плане их возможностей создания национальной картины мира; понимания имплицитно выраженных смыслов, разделяемых всеми членами лингвокультурной общности и основанных на культурных ценностях; умения правильно выбрать лингвистические средства для передачи сообщения с целью достижения воздействия перевода, равноценного воздействию оригинала. Перевод сказки — это адекватный компромисс между элиминацией и экспликацией национально-культурной специфики.

Литература

1. Къарачай-малкъар жомакъла, таурухла, айтыула (Карачаево-балкарские сказки, легенды, предания): в 2 т. / сост., предисл. Т. М. Хаджиевой. Нальчик: Эль-Фа, 2003. Т. 2. 472 с.
2. Балкарские и карачаевские сказки / пер. А. Алиевой и А. Холаева. М.: Детская литература, 1983. 111 с.
3. Черный орел. Карачаевские народные сказки / пер. и пересказ И. Румянцевой. М.: Детская литература, 1981. 120 с.
4. Народные сказки балкарцев и карачаевцев / пер. А. Алиевой и А. Холаева. М.: Редакция альманаха «Российский архив», 2003. 256 с.
5. Узденова Ф. Т. Карачаево-балкарская поэзия XX века: этнокультурная специфика, эволюция, жанры: дис. ... д-ра филол. наук. Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, 2020. 380 с.
6. Тимко Н. В. Основные проблемы лингвокультурной трансляции в процессе перевода: на материале переводов английских, немецких и русских художественных текстов: дис. ... канд. филол. наук. РУДН, 2002. 203 с.
7. Bochner S. The Mediating Person: Bridges between Cultures. Cambridge: Shenkman, 1981. 323 p.
8. Алещанова И. В. Нарратив как культурная модель // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2006. № 4 (1). С. 38–43.
9. Протт В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 370 с.
10. Костикова О. И. Истинные и ценностные аспекты перевода сказки // Вестник Московского университета. Сер. 22: «Теория перевода». 2015. № 2. С. 100–113.
11. Нефёдов С. Т., Чернявская В. Е. Контекст в лингвистическом анализе. Прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 63. С. 83–97.

12. *Войтехович Р., Казарян Л.* Семиотика культуры: культурные механизмы, границы, самоидентификации // Новое литературное обозрение. 2002. № 3 (55). С. 427–435.
13. *Караева А. И.* Очерк истории карачаевской культуры. М.: Наука, 1966. 320 с.
14. *Малкондуев Х. Х.* Карачаево-балкарское сказковедение в XX — начале XXI века // Известия КБНЦ РАН. 2015. № 5 (67). С. 199–206.
15. *Малкондуев Х. Х.* Внутрижанровые особенности карачаево-балкарской бытовой сказки // Вестник КИГИ РАН. 2016. № 3. С. 173–179.
16. *Малкондуев Х. Х.* Карачаево-балкарская народная сказка. Нальчик: Изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 184 с.
17. *Малкондуев Х. Х.* Карачаево-балкарские народные сказки и легенды в записи Е. З. Баранова. Особенности жанра и повествовательных элементов // Известия КБНЦ РАН. 2015. № 2 (64). С. 223–228.
18. *Малкондуев Х. Х., Гулиева (Занукоева) Ф. Х.* Карачаево-балкарская народная сказка. Особенности жанра // Известия СОИГСИ. Школа молодых ученых. 2017. Т. 18. С. 249–268.
19. *Малкондуев Х. Х., Гулиева (Занукоева) Ф. Х.* Мотивы и образы карачаево-балкарских волшебных сказок. Локальный аспект // Известия КБНЦ РАН. 2016. № 3 (71). С. 183–188.
20. *Берберов Б. А.* Воспитательный потенциал карачаево-балкарской бытовой сказки // Известия КБНЦ РАН. 2016. № 6 (74). С. 217–220.
21. *Берберов Б. А.* Культ разума в карачаево-балкарской бытовой сказке // Вестник КИГИ РАН. 2016. № 1 (23). С. 250–256.
22. *Берберов Б. А.* Специфика художественного конфликта в карачаево-балкарской бытовой сказке // Вестник КБИГИ. 2016. № 1 (28). С. 84–87.
23. *Берберов Б. А.* Ценностная картина мира в карачаево-балкарской бытовой сказке // Вестник КБИГИ. 2016. № 4 (31). С. 95–98.
24. *Гулиева (Занукоева) Ф. Х.* Карачаево-балкарская волшебная сказка. Нальчик: РИО ИГИ КБНЦ РАН, 2019. 108 с.
25. *Гулиева (Занукоева) Ф. Х.* Карачаево-балкарская народная сказка // Типология и поэтика традиционного фольклора народов Северного Кавказа. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2016. С. 58–65.
26. *Гулиева (Занукоева) Ф. Х.* Карачаево-балкарское сказковедение: современное состояние и перспективы // Вестник КБИГИ. 2016. № 4 (31). С. 118–121.
27. *Гергокова Л. С.* Карачаево-балкарская сказка: внутрижанровые особенности сказок о животных // Известия КБНЦ РАН. 2015. № 1 (63). С. 223–227.
28. *Гергокова Л. С.* Карачаево-балкарские сказки о животных: система образов, сюжетная типология // Типология и поэтика традиционного фольклора народов Северного Кавказа. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2016. С. 51–57.
29. *Латышев Л. К., Тимко Н. В.* Отражение ценностей американской лингвокультуры в художественном тексте при переводе на русский язык // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2013. № 2. С. 44–49.
30. Тысяча и одна ночь. Собрание сказок / пер. и коммент. М. Салье. М.: Терра — Книжный клуб, 2007. 460 с.
31. *Тимко Н. В.* Современные диссертационные исследования лингвокультурологических факторов в теории и практике перевода: подходы, лакуны, перспективы // Научный диалог. 2021. № 1. С. 123–138.
32. *Койчуева А. С.* Нравственные идеалы карачаево-балкарского народа и их роль в воспитательной практике горцев // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 5. С. 107–111.
33. *Бободжанова Л. К.* Особенности национально-культурной адаптации сказок братьев Гримм при переводе на русский язык // Litera. 2020. № 9. С. 111–120.

Статья поступила в редакцию 14 июля 2021 г.;
рекомендована к печати 15 декабря 2021 г.

Контактная информация:

Тимко Наталья Валерьевна — канд. филол. наук, доц.; n.timko@odin.mgimo.ru

Strategies of Cultural and Pragmatic Adaptation of Karachay-Balkarian Children Fairy Tales in Translation: The Limits of What is Possible and Permissible (Based on Translations of Karachay-Balkarian Fairy Tales into Russian and English)

N. V. Timko

Odintsovsky branch of the MGIMO University,
3, Novo-Sportivnaya ul., Odintsovo, 143005, Russian Federation

For citation: Timko N. V. Strategies of Cultural and Pragmatic Adaptation of Karachay-Balkarian Children Fairy Tales in Translation. The Limits of What is Possible and Permissible (Based on Translations of Karachay-Balkarian Fairy Tales into Russian and English). *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2022, vol. 14, issue 1, pp. 126–140.
<https://doi.org/10.21638/spbu13.2022.109> (In Russian)

The relevance of this study is due to the growing interest in translations of fairy tales of small peoples and methods of linguistic and cultural translation of the content of the text in the process of translation. The work is interdisciplinary in nature and is at the intersection of cultural linguistics, folklore studies, comparative linguistics, and translation. The aim of the work is to determine how information about the values of the Karachay-Balkarian linguoculture is verbalized in the texts of fairy tales in the Karachay-Balkarian language, as well as to analyze the advantages and disadvantages of strategies of linguocultural adaptation (explication or elimination of national color) of this type of text into Russian and English. To solve the set tasks, two complementary research methods were used: an introspective method, oriented to the process (the author's translation of five Karachay-Balkarian fairy tales into English), and the traditional method of retrospective analysis for translation studies by comparing the originals of Karachay-Balkarian fairy tales and their published translations into Russian. The material for this study was the Collection of Karachay-Balkarian fairy tales and legends, the Collection of Karachay-Balkarian fairy tales (transl. by A. Alieva, A. Kholayev, 1983), the Collection of Karachay fairy tales (transl. by I. Rummyantseva, 1981), the Collection of folk tales of Balkarians and Karachays (transl. by A. Alieva, A. Kholayev, 2003). The novelty of the research lies in the fact that for the first time the Karachay-Balkarian fairy tale as a cultural narrative of the people is considered in the aspect of translation criticism. The translation of such tales is conditioned by both a culturally specific plot and the form that is its basis — cultural details, peculiarities of mentality, expressed in language and constituting a special axiological background of the Karachay-Balkarian fairy tale. When translating, a significant part of these formal elements can be neutralized by translators for the sake of children's perception (use of analogues in the target text, omission, deliberate domestication of the source text), which, however, leads to the loss of the main thing — the national and cultural originality of the source text. When explicating the cultural characteristics, the translator makes the reader familiar with the national flavor of another culture, however, at the same time, some excessive culturally specific information is transferred into the target text, which can cause misunderstanding or distorted perception on the part of the child reader (for example, the topic of polygamy and the peculiarities of the distribution of roles in family). In this regard, a balanced approach to the choice of the optimal strategy for the cultural and pragmatic adaptation of fairy tale texts during translation is necessary: the translator's decision to explicate or eliminate national cultural specificity is of a compromise nature.

Keywords: strategies of cultural and pragmatic adaptation, Karachay-Balkarian fairy tales, cultural specifics of a text, value orientations of a culture.

References

1. *Karachay-Balkar tales and legends: in 2 vols. Vol. 2.* Comp. Foreword by T. M. Khadzhiyeva. Nalchik, El-Fa Publ., 2003. 472 p. (In Karachay-Balkarian)

2. *Balkar and Karachay Fairytales*. Transl. by A. Alieva, A. Kholaeв. Moscow, Detskaya Literatura Publ., 1983. 111 p. (In Russian)
3. *Black Eagle. Karachay Folk Tales*. Transl. by I. Rummyantseva. Moscow, Detskaya Literatura Publ., 1981. 120 p. (In Russian)
4. *Folk Tales of Balkars and Karachais*. Transl. by A. Aliyeva, A. Kholayev. Moscow, Russian Archive Publ., 2003. 256 p. (In Russian)
5. Uzdenova F.T. *Karachay-Balkarian poetry of the XX century: ethnocultural specificity, evolution, genres*. Doct. Dis. Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2020. 380 p. (In Russian)
6. Timko N.V. *The main problems of translation across cultures: Based on translations of English, German and Russian literary texts*. PhD Diss. RUDN, 2002. 203 p. (In Russian)
7. Bochner Stephen. *The Mediating Person: Bridges between Cultures*. Cambridge, Shenkman, 1981. 323 p.
8. Aleshanova I.V. Narrative as a cultural model. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya»*, 2006, no. 4 (1), pp. 38–43. (In Russian)
9. Propp V.Ya. *Historic roots of fairytales*. Leningrad, Leningrad University Press, 1986. 370 p. (In Russian)
10. Kostikova O.I. True aspects and value aspects of the translation of a fairy tale, *Bulletin of Moscow University*, 2015, no. 2, pp. 100–113. (In Russian)
11. Nefyodov S.T., Chernyavskaya V.E. Context in linguistic analysis. pragmatic and discursive analytical perspective. *Bulletin of Tomsk State University. Filologiya*, 2020, no. 63, pp. 83–97. (In Russian)
12. Voytekchovich R., Kazaryan L. Cultural semiotics and complex cultural analysis. *Novoye literaturnoye obozreniye*, 2002, no. 3 (55), pp. 427–435. (In Russian)
13. Karaeva A.I. *Essay on the history of the Karachai culture*. Moscow, Nauka Publ., 1966. 320 p. (In Russian)
14. Malkonduev Kh. Kh. Karachay-Balkarian fairy tale studies in the XX — early XXI Century. *Izvestia KBNTs RAN*, 2015, no. 5 (67), pp. 199–206. (In Russian)
15. Malkonduev Kh. Kh. Intra-genre features of the Karachay-Balkarian fairy tale. *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*, 2016, no. 3, pp. 173–179. (In Russian)
16. Malkonduev Kh. Kh. *Karachay-Balkarian folk tale*. Nalchik, Department of IGI KBSC RAS Publ., 2017. 184 p. (In Russian)
17. Malkonduev Kh. Kh. Karachay-Balkarian folk tales and legends recorded by E.Z. Baranova. Features of the genre and narrative elements. *Izvestiya KBNTs RAN*, 2015, no. 2 (64), pp. 223–228. (In Russian)
18. Malkonduev Kh. Kh., Guliyeva (Zanukoeva) F. Kh. Karachay-Balkarian folk tale. Features of the genre. *Izvestiya SOIGSI. Shkola molodyh uchenykh*, 2017, vol. 18, pp. 249–268. (In Russian)
19. Malkonduev Kh. Kh., Guliyeva (Zanukoeva) F. Kh. Motives and images of the Karachai-Balkarian fairy tales. Local aspect. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN*, 2016, no. 3 (71), pp. 183–188. (In Russian)
20. Berberov B.A. Educational potential of the Karachay-Balkarian everyday tale. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN*, 2016, no. 6 (74), pp. 217–220. (In Russian)
21. Berberov B.A. The cult of reason in the Karachay-Balkarian fairy tale. *Vestnik KIGI RAS*, 2016, no. 1 (23), pp. 250–256. (In Russian)
22. Berberov B.A. Specificity of artistic conflict in the Karachai-Balkarian fairy tale. *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy*, 2016, no. 1 (28), pp. 84–87. (In Russian)
23. Berberov B.A. Value picture of the world in the Karachay-Balkarian fairy tale. *Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy*, 2016, no. 4 (31), pp. 95–98. (In Russian)
24. Guliyeva (Zanukoeva) F. Kh. *Karachay-Balkarian fairy tale*. Nalchik, Department of IGI KBSC RAS Publ., 2019. 108 p. (In Russian)
25. Guliyeva (Zanukoeva) F. Kh. Karachay-Balkarian folk tale, *Typology and poetics of traditional folklore of the peoples of the North Caucasus*. Nalchik, Department of KBIGI Publ., 2016, pp. 58–65. (In Russian)
26. Guliyeva (Zanukoeva) F. Kh. Karachay-Balkarian Fairy Tale: Current State and Prospects. *Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy*, 2016, no. 4 (31), pp. 118–121. (In Russian)

27. Gergokova L. S. Karachay-Balkarian fairy tale: intra-genre peculiarities of animal tales. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN*, 2015, no. 1 (63), pp. 223–227. (In Russian)
28. Gergokova L. S. Karachay-Balkarian fairy tales about animals: a system of images, plot typology, *Typology and poetics of traditional folklore of the peoples of the North Caucasus*. Nalchik, Department of KBIGI Publ., 2016, pp. 51–57. (In Russian)
29. Latyshev L. K., Timko N. V. Reflection of the values of American linguoculture in a literary text when translated into Russian. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya «Lingvistika»*, 2013, no. 2, pp. 44–49. (In Russian)
30. *One thousand and one nights. Collection of fairy tales*. Transl. and commentary by M. Salie. Moscow, Terra — Book Club Publ., 2007. 460 p. (In Russian)
31. Timko N. V. Modern dissertation research of linguoculturological factors in the theory and practice of translation: approaches, gaps, prospects. *Scientific dialogue*, 2021, no. 1, pp. 123–138. (In Russian)
32. Koichueva A. S. Moral ideals of the Karachay-Balkarian people and their role in the educational practice of highlanders. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, 2018, no. 5, pp. 107–111. (In Russian)
33. Bobodzhanova L. K. Features of the national-cultural adaptation of the fairy tales of the Brothers Grimm when translated into Russian. *Litera*, 2020, no. 9, pp. 111–120. (In Russian)

Received: July 14, 2021
Accepted: December 15, 2021

Author's information:

Natalia V. Timko — PhD in Philology, Associate Professor; n.timko@odin.mgimo.ru